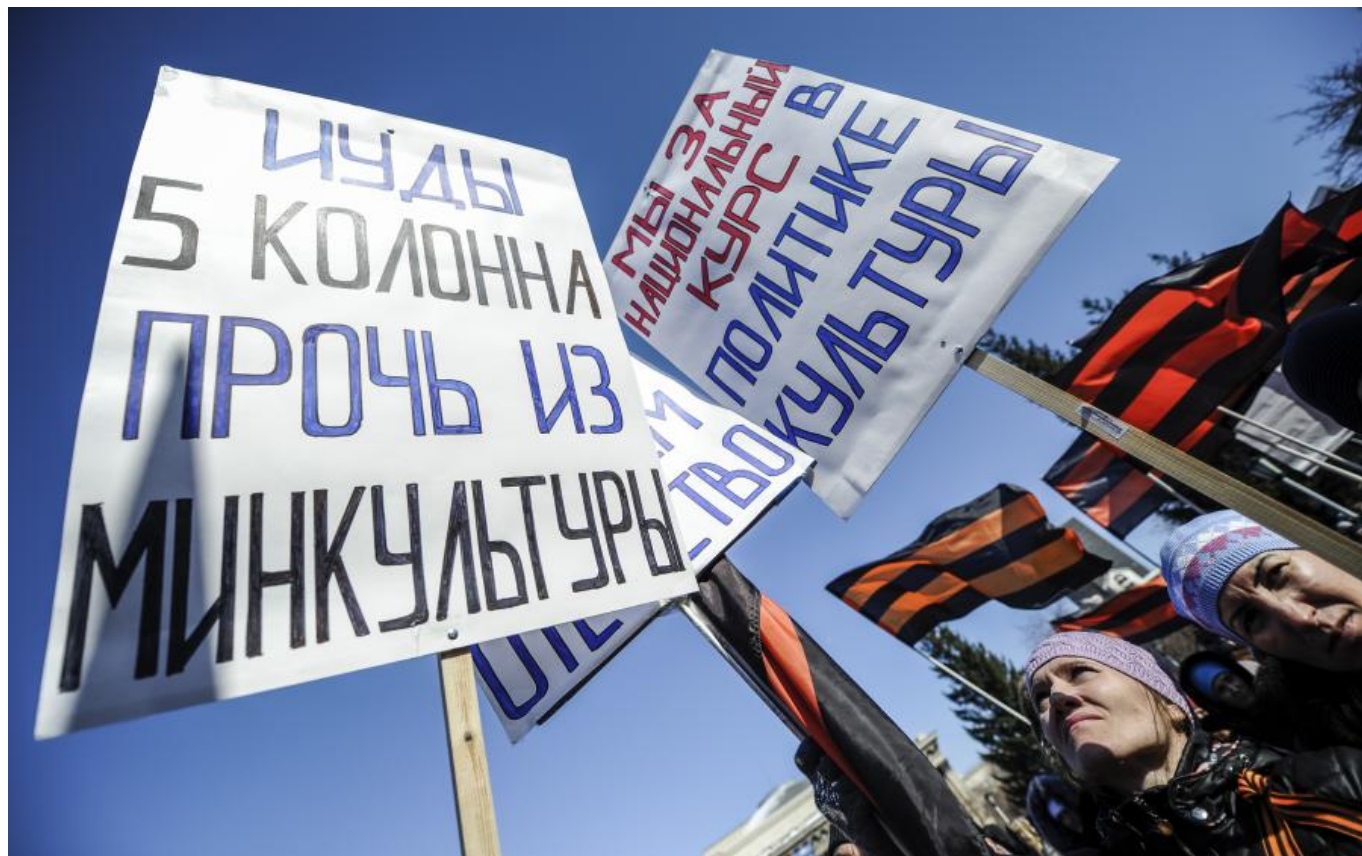

• Автор: [Ольга Ирисова](#)

[В плену ситуации](#)

Долгое время штамп «загадочная русская душа» воспринимался на Западе, особенно в среде любителей русской классической литературы, если не с восторгом, то с определенной долей благодушного любопытства. Да и самим россиянам было приятно считать себя особенными, отличными от других своей «душевностью и глубиной». Однако на фоне аннексии Крыма, войны в Украине и текущего кризиса в российско-западных отношениях некогда вполне позитивный стереотип об особой ментальности русских начинает принимать форму негативного предубеждения. С завидной периодичностью в СМИ (причем как в западных, так и в российских) появляются рассуждения о «нации рабов», врожденных конформистах, сознательно выбравших путь войны. Однако подобная логика не учитывает несколько важных моментов. Во-первых, то, что зачастую воспринимается девиацией, предписываемой носителям русской идентичности, на самом деле является характерным при определенных ситуационных факторах групповым поведением. Во-вторых, все разговоры о сознательном выборе пути войны ошибочно предполагают, что российское общество обладает всей полнотой информации, необходимой для принятия рационального решения.

В 1971 году социальный психолог Филип Зимбардо в подвале здания факультета психологии Стэнфордского университета провел, пожалуй, самый известный в мире психологический эксперимент, посвященный влиянию социальных ситуаций на поведение личности, – Стэнфордский тюремный эксперимент. Зимбардо, планировавший в ходе контролируемого эксперимента изучить опыт тюремной

жизни, в случайном порядке разделил студентов-добровольцев на две группы: одним предписывалось играть роль заключенных, другим – надзирателей. Важно отметить, что на стадии отбора исследователи исключили возможность привнесения личностных девиаций в ход эксперимента – все отобранные добровольцы демонстрировали примерно одинаковые показатели в психологических тестах, большинство разделяли популярные в то время пацифистские взгляды. Другими словами, участники эксперимента были обычными представителями американской молодежи того времени. Эксперимент быстро вышел из-под контроля, произошла интернализация ролей: «надзиратели» превратились в надзирателей, с упоением издевавшихся над «заключенными» подобно тому, как это происходит в реальных тюрьмах (сам Зимбардо проводит параллели с пытками над заключенными в Абу-Грейб), а вчерашние свободолюбивые студенты стали заключенными, которые пассивно реагировали на любое нарушение своих прав, хотя и должны были понимать, что в любой момент могут выйти из стрессовой ситуации.

Социальные психологи и философы описывают целый ряд психологических моментов, которые заставляют людей в определенных ситуациях быть соучастниками «зла» или совершать «зло бездействия» (именно в этом сегодня часто обвиняют российское общество).

Во-первых, мощнейшей силой трансформации поведения является базовая человеческая потребность в принадлежности к группе: чтобы не стать изгоем, человек готов подчиниться давлению группы и новым нормам, а затем и рационализировать их для себя. В российском контексте можно представить, что подобный контролируемому эксперименту Зимбардо эксперимент по подчинению людей осуществляется в масштабах всей страны. Кремль, обладая огромным ресурсом административного и информационного давления, способен формировать образ группы «русские/россияне», а следовательно и контролировать ощущение принадлежности к этой группе. Здесь будет уместно вспомнить завышенные рейтинги поддержки правящей власти, добровольно-принудительные массовые акции в поддержку Путина, распространяемые провластными СМИ репортажи, направленные на дискредитацию оппозиции. Важно и то, как Кремль формирует образ чуждого внутреннего «другого» через его якобы близость к внешнему «другому» (Западу), неприязнь к которому уже достаточно устойчива. Поэтому людей, оппозиционно настроенных к Кремлю, провластные СМИ маркируют не как внутренних несогласных, а как имеющих идентичность «другого». Тут показательными примерами являются распространяемые «патриотическими» нишевыми СМИ списки «национал-предателей», «пятой колонны», якобы работающей на интересы внешнего «другого», официальные списки НКО с говорящим названием «иностранные агенты», а также [попытки оспорить «русскость» оппонентов](#). Тем самым через информационное поле навязывается мысль о том, что открыто противостоять Путину внутри России могут только те, кто по своей идентичности является враждебным внешним «другим» или работает на его интересы.

Во-вторых, эффективным способом подчинения является создание образа врага. Филип Зимбардо пишет: «Все начинается с создания стереотипных представлений о «другом», с дегуманизированного образа «другого», как никчемного или как всемогущего, демонического, абстрактного монстра, несущего тотальную угрозу нашим самым дорогим ценностям и убеждениям. В атмосфере всеобщего страха, когда вражеская угроза кажется неизбежной, разумные люди начинают вести себя абсурдно, независимые люди подчиняются бессмысленным приказам, мирные люди превращаются в воинов. Выразительные и зловещие образы врага на плакатах, на телевидении, на обложках журналов, в кино и в Интернете запечатлеваются в глубинах лимбической системы, структуры примитивного мозга, и этот процесс сопровождается сильными чувствами страха и ненависти». В экспериментах социальных психологов дегуманизированным «врагом» становились такие же участники эксперимента, а в сегодняшней России эту мобилизирующую роль выполняют Запад и «внутренние враги». При этом в ситуации искусственного наращивания рисков – в том числе и через пропагандируемый риск глобального прямого столкновения с внешним «врагом» – общество зачастую отдает предпочтение бездействию и сохранению текущего положения, опасаясь, что любое изменение статус-кво может спровоцировать усугубление ситуации. По словам социолога Олега Яницкого, нормативным идеалом общества риска становится «безопасность», вследствие чего общество ориентируется уже не на достижение лучшего (общественный прогресс), а на защиту и избежание худшего».

Третьим важным механизмом, обуславливающим подчинение индивида или группы ситуации, является «власть авторитета». При этом авторитетом может выступать как отдельный индивид, так и группа.

Исследования Соломона Аша показали, что человек, даже понимая, что остальные члены группы не правы, в 70% случаев соглашается с неправильными ответами большинства. Данные других важных экспериментов в области слепого подчинения авторитету (наибольшую ценность здесь имеют эксперименты Стенли Милгрэма и Альберта Бандура) подтверждают склонность человека к конформизму в условиях давления группы или власти авторитета. В сегодняшней России есть и первое (хотя образ единого большинства и искусственно конструируется, но для индивида он вполне реален), и второе.

Массив данных, полученных в ходе исследований социальных психологов и философов, в целом подтверждает идею Ханны Арендт о «банальности зла»: в определенном контексте ситуационные факторы оказываются сильнее свойств личности, под влиянием системы практически любой индивид и любая нация способны совершать жестокие поступки или потворствовать им своим бездействием. Таким образом поведение российского общества некорректно интерпретировать через призму диспозиционных факторов (они к этому предрасположены и т.д.), оно является абсолютно типичным поведением людей в условиях власти авторитарной системы.

При этом ошибочно анализировать и интерпретировать поведение людей, не проводя при этом анализ получаемой ими информации. Для абсолютного большинства россиян федеральные каналы до сих пор являются основным источником новостей, именно они формируют значительную часть картины мира. Находясь под контролем власти, эти каналы искажают информацию настолько, что то, что для остального мира безусловно является агрессией России и недопустимым поведением, для россиян преподносится как защита национальных интересов и оборонительная тактика. И лояльные сегодня власти россияне, скорее всего, поддерживают не реальный статус-кво, в котором Россия – агрессор и производитель глобальных рисков, а фиктивный статус-кво, создаваемый в стенах Останкино.

теги

[propaganda](#)

[protest](#)

[society](#)

категории

[Society](#)

Использование материалов интернет-издания "Intersection" путем их полного воспроизведения разрешается только с разрешения редакции Intersection - intersection@intersectionproject.eu